

Несколько навьюченных товаром ослов и мулов дожидались у обочины дороги, прямо на углу переулка. Возле них остался караулить один из деревенских.

Небо уже окончательно посветлело, и на улицах открылись всевозможные лавки и лотки.

Прошло не более двух кэ [китайская мера времени равная 15 минутам], как солнце уже вовсю засияло прямо над головой, и весь городок Юньцзи наполнился привычным шумным гомоном.

Седовласая пожилая женщина, одетая опрятно и благообразно, стояла во дворе своего дома, чьи ворота были распахнуты настежь. Наблюдая за толпой мужчин, заносивших внутрь хворост и древесный уголь, она зычно командовала:

— Хворост складывайте прямо в дровяник, а те пятьдесят цзиней [китайская мера веса, в современности приравненная к 500 граммам] сухой травы уложите мне под навес на заднем дворе. Складывайте ровнее!

Тут же повернув голову, она принялась браниться в сторону дома:

— Чжу-эр! Живее выходи! Проводи людей на задний двор, пусть сложат солому. Только и знаешь, что сычом в комнате сидеть!

Молодой парень, откликаясь на ходу, вышел из дома. Было очевидно, что он только-только проснулся: он всё ещё протирает заспанные глаза, а остановившись у порога, сладко зевнул и потянулся.

Увидев, что привезённая солома, хворост и уголь уже выгружены на землю, а рядом стоят большие весы — знак того, что товар уже взвесили — он заметил, что его старик-отец как раз беседует с одним из крестьян.

Прежде чем старуха успела снова раскрыть рот и разразиться новой бранью, Чжу-эр вовремя опустил занесенные руки и с улыбкой обратился к двум мужикам, которые собирались переносить солому деревянными вилами:

— К чему так надрываться? Я сейчас пригоню с заднего двора тележку, накидаем солому туда и за один раз всё перевезем.

Пэй Юва вместе с тремя другими мужиками носил хворост в дровяник. Складывая охапки, он аккуратно поправлял неровно лежащие поленья и лишь после этого возвращался за новой охапкой.

Во дворе этого дома росло несколько деревьев сливы мэйхуа. Они были довольно крупными — сразу видно, что ухаживали за ними долгие годы. Сейчас их ветви стояли голыми, ведь время пышного цветения ещё не пришло.

Продолговатые куски древесного угля для удобства взвешивания были заранее перевязаны веревками. Один из мужчин сделал несколько заходов и, согласно указаниям пожилой хозяйки, сложил уголь туда же, в дровяник.

Старуха поправила седые волосы у виска, заглянула в дровяник и, увидев, что уголь и хворост уложены ровно, как она и просила, а не брошены как попало на землю, осталась весьма довольна — теперь ей не придётся самой наводить порядок.

Обернувшись, она увидела, что солому уже погрузили на тележку. Один мужик тащил её

впереди, другой подталкивал сзади, а Чжу-эр, закинув на плечо двое деревянных вил, вел их за собой на задний двор.

Заметив, что на земле остались обрывки сухой травы, Чжао Ляньсин, не дожидаясь, пока старуха сделает замечание, приметил прислоненную к стене большую бамбуковую метлу, взял её и протянул товарищам, чтобы те подмели двор.

Старик-хозяин молчал. Он запустил руку в висящий за пазухой кошель, прикидывая в уме окончательный расчёт.

Видя, что эти люди работающие, расторопные и понятливые, старуха с улыбкой произнесла:

— Да вы просто сметите эту солому в одну кучку, и ладно. Я её потом сама подберу, для растопки печи в самый раз пригодится.

Услышав это, молодой крестьянин с улыбкой отозвался:

— Ну что вы такое говорите, тётушка! Где у вас корзина для растопки? Несите сюда, тут ведь всего несколько травинок, мы сами вам их соберём.

Этого расторопного парня звали Чжао Ляньван. Он приходился Чжао Ляньсину двоюродным братом и начал промышлять торговлей только с прошлого года. Из-за молодости характер у него был живой и бойкий, а с языка всегда с готовностью слетали приятные людям слова.

— Ох, надо же, какие заботливые! — всплеснула руками старуха и со смехом повернулась, чтобы сходить на кухню за корзиной для дров.

Чжао Ляньван, увидев, что корзину и впрямь вынесли, оказался ближе всех. Он тут же перехватил её, не перекладывая работу на других, наклонился и собрал сметенную в небольшую кучку солому.

Когда за дело берутся шесть-семь здоровых мужиков, разбросанные по двору кучи товара быстро находят свое место. Двор мгновенно преобразился: исчезли беспорядок и теснота, и перед глазами снова предстала привычная чистая и просторная площадка.

Старик-хозяин, видя, что вся работа выполнена, достал кошель и, отсчитав заранее выверенную сумму, полностью закрыл счёт.

Крестьяне вывели мулов и ослов с телегами из переулка. Эта сделка оказалась довольно крупной, да и деньги они получили без лишних проблем, так что у каждого на душе стало легко и радостно.

Чжао Ляньсин по-прежнему шёл во главе каравана. Пристроив деньги за пазуху, он бодро выкрикивал зазывалки по пути.

Из одного двора вышел хозяин, но, увидев, что караван предлагает лишь дрова да солому, лениво расспросил о ценах и, не проявив особого интереса, вернулся к себе.

Пэй Юва вел под уздцы осла с телегой. Проходя мимо глинобитной стены одного из подворий, он заметил раскидистую ветку жёлтой восковой мейхуа [Прим. - Восковая мейхуа / Химонант — зимозцвет ранний. Растение с восково-жёлтыми цветами, которое зацветает в самый разгар зимы, ещё до наступления весны, и славится своим невероятно сильным и чистым ароматом], сочной гроздью свисавшую наружу.

Когда они только заходили в переулок, все слишком торопились и не обращали внимания на то, что вокруг.

Махровые цветы распустились на славу — густо-жёлтые, яркие. Еще во время работы во дворе до них доносился едва уловимый, тонкий и чистый аромат, который исчезал, стоило лишь попытаться вдохнуть его глубже. Оказывается, источник был здесь. Похоже, восковая мейхуа в этом доме расцвела куда раньше, чем обычные сливы у других хозяев.

Жители управы Мэйчжу славились своей особой любовью к сливе мэйхуа.

Несмотря на то, что городок Юньцзи располагался на северо-западной границе управы Мэйчжу, где климат не был столь тёплым и влажным, как на юго-востоке, здесь всё равно во многих домах можно было увидеть заботливо ухоженные деревца, которыми хозяева искренне любовались.

Караван миновал переулок. Телеги двигались впереди, а идущие следом нагруженные ослы и мулы упрямо шагали за ними под уздцы.

Чжао Ляньсин зазывал покупателей вдоль всей улицы. Помимо очевидного хвороста, он с выражением и на разные лады громко выкрикивал названия прочих товаров: дары гор, пушнина, сушеные овощи, лекарственные травы и всякая всячина.

Поравнявшись с лавкой лекарственных трав, караван остановился. Братья Чжао Ляньсин и Чжао Ляньван зашли внутрь, чтобы разузнать цены, а остальные мужчины остались снаружи присматривать за товаром.

На улице бурлила толпа прохожих, и время от времени кто-нибудь из них бросал любопытный взгляд на товар деревенских торговцев.

— Дрова, уголь, солома — всё в наличии! Если возьмёте много, доставим прямо к дому! — то и дело выкрикивали Пэй Юва и его товарищи.

Раз уж они вышли в путь ради торговли, то совершенно не стеснялись громко зазывать покупателей. Вот только людей вокруг было слишком много, голоса смешивались в общий гул, и потенциальным клиентам порой было трудно разобрать слова.

Пэй Юва был среди этих мужчин одним из самых старших. Стоило ему заговорить с приличным покупателем, одетым в длинный халат, как остальные тут же понизили голоса и переключились на зазывание прохожих с другой стороны. Никто друг другу не мешал — сказывалась многолетняя слаженность.

— Каштаны, фундук, сушеные лакомства! Есть и специи: гвоздика, корица, сычуаньский перец! Бамбуковые метлы для дома разных размеров, пеньковые веревки — всё новое, отменного качества! Не желаете ли взглянуть? — нахваливал товар Пэй Юва.

Видя, что мужчина в длинном халате ничего не отвечает, а лишь молча разглядывает телегу, крестьянин не мог понять, что именно тот ищет.

За годы странствий он повидал немало людей, поэтому лишь радушно улыбнулся и услужливо достал из корзины в задней части телеги две бухты толстой пеньковой веревки, демонстрируя их покупателю.

Мужчина осмотрел веревки, но так ничего и не купил — заложил руки за спину и пошел

дальше своей дорогой.

Пэй Юва не стал убирать веревки обратно в корзину, а аккуратно разложил их на краю телеги, чтобы каждый прохожий мог сразу их увидеть.

Из аптекарской лавки ещё не успел показаться Чжао Ляньван, как уже послышался его зычный голос:

— Брат Чжуанцзы! Заносите сюда вместе с напарником вон ту корзину плодов кизила и корзину одуванчиков!

Ван Чжуанцзы коротко откликнулся, позвав еще одного человека, и вместе они сняли с одного из мулов две полные бамбуковые корзины. Занеся их в лавку, они высыпали содержимое на большую бамбуковую циновку, чтобы аптекарь мог проверить качество трав.

Увидев, что лавочник готов забрать товар, Чжао Ляньсин облегченно вздохнул и принялся обсуждать цену с приказчиком.

Когда взвешивание закончилось, приказчик быстро защелкал костяшками счётов и показал итоговую сумму Чжао Ляньсину.

Едва они закончили расчёт, как снаружи раздался негромкий возглас:

— Брат Ляньсин, тут старая покупательница дров просит!

— Иду! — отозвался Чжао Ляньсин, торопливо пряча за пазуху кусочки серебра и медные монеты.

Попрощавшись с приказчиком, он вместе с Чжао Ляньваном вышел на улицу.

За дверью стояла крепкая, коренастая женщина в грубой льняной юбке и длинном халате, завязанном на талии — типичная рабочая одежда.

Лицо у неё было круглое и пухлое, но глаза при этом оставались довольно крупными. Кожа лица дышала румянцем и слегка лоснилась: ни на лице, ни на руках не было ни малейшего следа сухости, шелушения или цыпок от мороза — фигура её буквально лучилась сытым достатком.

— О, это же невестка Ли! — поспешил поприветствовать её Чжао Ляньсин, вежливо сложив руки в поклоне.

Семья этой женщины держала мясную лавку, а её муж был мясником. Супруги были под стать друг другу — оба плотные и крепкие, и дела у них явно шли в гору.

— Шла мимо и случайно заметила вас. Какая удача! Дома как раз дрова на исходе. Давайте за мной, сгрузите один дань [китайская мера объема и веса, для дров обычно составляла около 50-60 килограммов (вес, который взрослый мужчина может перенести на коромысле за один раз)], — взмахнула рукой женщина.

Она держалась уверенно и вела себя без капли робости, а её походка была исполнена важности.

Чжао Ляньван улыбнулся и вместе с остальными принялся разворачивать телеги и скотину, чтобы последовать за женщиной к её дому.

Каждый год через городок Юньцзи проходило великое множество самых разных купеческих караванов, и их скромный отряд из простых крестьян был далеко не единственным.

Жена мясника запомнила их исключительно потому, что в прошлом году, покупая у них дрова и горные товары, она заметила их расторопность и чистоплотность в работе, а также их особенный, непривычный для здешних мест говор.

Узнав тогда, что эти люди проделали огромный путь из заречной управы Яньцю, пересекли великую реку Цинюнь и перенесли немало невзгод, чтобы добраться сюда, она их запомнила.

Сама супружеская пара мясников из-за своей приметной комплекции и щедрого, прямолинейного нрава тоже врезалась в память караванщикам.

Дом мясника располагался прямо за мясной лавкой: впереди шла торговая точка, а позади находился жилой двор.

И двор, и сама лавка стояли на их собственной земле и принадлежали им, так что жили они безбедно.

Караван зашел со стороны заднего переулочка и остановился у ворот. Женщина не стала звать мужа, который работал у прилавка, а сама приняла решение: велела сгрузить один дань хвороста, взяла несколько связок древесного угля и принялась расспрашивать, какие горные припасы у них ещё остались.

Две гладкие, лоснящиеся от жира и крепкие чёрные собаки, что до этого мирно дремали на земле, при виде чужаков настороженно поднялись.

Однако, поскольку гостей привела хозяйка, псы не стали лаять, а лишь принялись кружить вокруг мужчин, телег и ослов, усердно всё обнюхивая.

Чжао Ляньсин открыл все корзины и узлы с разнообразными горными товарами и специями, позволяя ей лично проверить качество и внешний вид.

Услышав шум на заднем дворе, мясник громко крикнул из лавки, интересуясь, что происходит.

Узнав от жены, что привезли дрова, он велел дочери присмотреть за прилавком, а сам тоже вышел на задний двор.

Когда сделка с семьей мясника была завершена, одна телега с хворостом полностью опустела. В остальных четырех телегах дров тоже заметно поубавилось: где-то ушла половина, а где-то — треть груза.

Перед самым уходом Чжао Ляньсин заметил на подоконнике летней кухни небольшую бамбуковую корзинку, в которой лежало несколько костей. Мясо с них было тщательно срезано, так что почти ничего не осталось.

Неизвестно, предназначались ли они для домашней похлёбки или для собак, но сейчас эти кости выглядели чистыми.

Он поразмыслил: девять мужиков провели в дороге целый месяц, питаюсь лишь взятыми из дома сухими лепешками да крупой. Они крайне редко тратили деньги на готовую еду в пути. Кости стоили сушие гроши, а уж такие обглоданные — и подавно.

Но если сварить из них наваристый бурлящий бульон, каждому достанется по чаше горячего варева. Хотя как-то разговееются мясным духом, нельзя ведь совсем изнурять себя в дороге.

Чжао Ляньсин с улыбкой спросил:

— Брат Ли, почему отдашь эти кости? Я бы купил парочку.

Ли-мясник проследил за его взглядом. Вообще-то эти кости со срезанным мясом предназначались для дворовых псов, охранявших дом, но раз уж гость сам завёл разговор, мясник не стал скупиться.

Он подошел к корзине, выбрал две самые крупные кости и протянул их Чжао Ляньсину:

— О каком «купил» речь? Забирай так, пользуйся на здоровье.

Чжао Ляньсин принял кости и поспешил горячо поблагодарить хозяина.

Солнце стояло в самом зените. Это было редкое для зимней поры ласковое и теплое солнце, так что многие люди устраивались в укрытых от ветра местах, чтобы погреться и поболтать.

На самой западной окраине городка стояла заброшенная, полуразрушенная усадьба. От её внешней глинобитной стены осталась лишь половина, а вся округа заросла жухлой сорной травой и была засыпана опавшими листьями.

Внутри дома потолочные балки давно сгнили, и крыша держалась лишь на нескольких трухлявых подпорках. Даже нищие не рисковали ночевать под такой кровлей. Они лишь использовали уцелевшую половину глинобитной стены как опору, соорудив в её внутреннем углу крошечный шалаш из веток и циновки.

Зато перед стеной раскинулся довольно просторный пустырь. На земле виднелись серые пятна старой золы — знак того, что нищие порой разводили здесь огонь, чтобы согреться.

Сейчас на этом пустыре расположились несколько телег с ослами и мулами — это были Чжао Ляньсин и его спутники.

Двое мужчин, на которых лежали обязанности поваров, на скорую руку сложили из камней очаг, водрузили котел и развели огонь. Первым делом они залили кости водой и пустили их вариться на сильном пламени. Рядом они устроили еще один маленький очаг, где принялись шинковать целый таз редьки и таз капусты.

Когда вода в котле с костями закипела ключом, сверху водрузили большую бамбуковую пароварку, чтобы разогреть лепешки и маньтоу [китайский хлеб: пышные булочки из пшеничной или кукурузной муки, приготовленные исключительно на пару] из муки грубого помола.

Редьку и капусту они купили совсем недавно. Выезжая из родных мест, они взяли с собой запас этих свежих овощей, но поскольку телеги были под завязку забиты товаром, много места выделить не удалось — припасов хватило лишь дней на пять-шесть.

Эти овощи стоили сущие копейки, каждая семья заготавливала их на зиму в избытке, да и сажали их много. Так что покупать их можно было прямо по дороге в любой деревне. К тому же они ели их не каждый день — с собой у них оставался еще приличный запас сушеных овощей.

Растительное масло они тоже прихватили с собой в небольшом глиняном кувшинчике. Но поскольку сегодня утром они уже поели покупных хуньтуней и лапши, да к тому же сейчас варился костный бульон, повара не стали обжаривать овощи в масле. Они просто зачерпнули немного жирного навару из бурлящего котла и приготовили на нём тушеные овощи.

Пэй Юва и еще несколько мужчин наводили порядок на пустыре: серпами они срезали жухлую траву, отряхивали с нее пыль и складывали в кучу — сухая трава отлично подходила для растопки.

Не прошло и получаса, как пятеро мужчин полностью расчистили место вокруг. Там, где они устроились на привал, больше не осталось ни единой соринки или палого листа.

Почуввав манящий аромат еды, из-за полуразрушенной стены нерешительно высунул голову старый нищий.

Заметив его, Чжао Ляньсин мимоходом бросил ему лепешку из неочищенного риса.

Старый нищий проявил удивительную ловкость и мгновенно поймал угощение. Он выглядел дико: растрепанный, грязный, да и запах от него шёл соответствующий. Благо, их разделяла стена, ветра сейчас не было, а его шалаш находился на приличном расстоянии от места, где готовилась еда.

Чтобы костный бульон как следует наварился, требовалось время.

Когда овощи сварились, а лепешки и маньтоу прогрелись, девять мужиков первым делом молча принялись за еду.

Если бы это было несколько дней назад, они бы после обеда едва успели перевести дух, как снова поднялись бы на ноги и пошли зазывать покупателей. Но сейчас они уже добрались до Юньцзи, и эта часть пути была завершена.

К тому же сегодня был только первый день, и утренняя торговля пошла споро, так что Чжао Ляньсин разрешил всем подольше отдохнуть, пока томится костный бульон.

Все остальные приняли это решение с искренней радостью.

Место здесь было глухое, до ближайшей жилой улицы нужно было прилично пройти, да ещё и завернуть за угол. Обычно прохожие сюда не заглядывали, а территорию обживали нищие да бродяги. Впрочем, караванчиков было много, и все они были крепкими деревенскими мужиками в самом расцвете сил, так что бояться им было некого.

— Брат Ляньсин, на ночь остановимся в том же подворье, что и в прошлом году? — завел праздный разговор Ван Чжуанцзы, то и дело поглядывая на бурлящий котел с бульоном.

— Да. Будем проходить мимо, я сначала зайду разузнать про цену, — Чжао Ляньсин налил себе чашу горячего чая и, держа её в ладонях, сощурился на небо.

В полдень, пока светило солнце, было довольно тепло. Но на дворе стоял уже конец одиннадцатого месяца, вот-вот должен был начаться двенадцатый месяц лаюэ. Ночи в это время стояли лютые, ночевать под открытым небом было опасно — можно легко простудиться. Так что лучше было потратить немного денег и устроиться в гостинице на общем кане.

Если торговля пойдет хорошо и товар распродается быстро, им придется провести здесь всего

две-три ночи.

Вот только питаться в гостинице такой большой толпой было слишком накладно. Поэтому, как и в прошлом году, они поступали хитро: днем дважды готовили сами на каком-нибудь пустыре, а с наступлением темноты загоняли скотину и телеги на постой в гостиницу.

Ворота гостиницы на ночь запирались наглухо, а территория была обнесена высокой стеной. Самые ценные сушеные товары и лекарственные травы они заносили прямо к себе в комнату, так что можно было не опасаться, что добро утащат воришки.

Костный бульон весело побулькивал, и по округе начал разливаться густой, аппетитный аромат.

Когда чаша с обжигающим наваристым бульоном наконец оказалась в руках у каждого, разговоры тут же прекратились. Мужчины, прикрыв от удовольствия глаза, бережно дули на варево и пили его мелкими глотками — для них, измотанных долгой дорогой, это были редкие минуты истинного блаженства и покоя.

Проведя в городке Юньцзи три дня и две ночи, они полностью опустошили все пять телег. Хворост разошелся быстрее всего, а вот горные товары и мелкий скарб удалось распродать лишь наполовину. Чжао Ляньсин прикинул дни по календарю и решил больше не задерживаться в Юньцзи.

Видя, что телеги теперь свободны, он повел караван на улицу Фэндэн, где они закупили сто пятьдесят фонарей.

На обратном пути им снова предстояло миновать множество деревень. В сельской местности тоже хватало зажиточных дворов, так что, как и по дороге сюда, можно было заезжать в селения и понемногу распродавать оставшиеся горные товары и новые фонари.

Фонари из городка Юньцзи славились в округе. Из купленной сотни с лишним штук сто фонарей были самыми простыми, обтянутыми бумагой, а пятьдесят — нарядными узорчатыми фонарями для праздников.

Поскольку Чжао Ляньсин брал товар крупным оптом, цена для него оказалась ниже рыночной. На их перепродаже можно было немного выручить, хотя чистая прибыль обещала быть скромной.

После полудня солнце скрылось, небо заволокло свинцовыми тучами, и поднялся резкий северный ветер.

Когда они вышли из ближайшей к Юньцзи деревни, время перевалило за середину часа шэнь. [Прим. - Час Шэнь — время суток по традиционной китайской двухчасовой системе, соответствующее промежутку с 15:00 до 17:00. «Перевалило за половину» означает, что время приближалось к 16:30 вечера]

Продвигаясь по казенному тракту, караван добрался до развилки. Шедший впереди Чжао Ляньсин потянул мула за уздцы и снова свернул на боковую дорогу, а остальные мужчины послушно последовали за ним.

Толпа взрослых мужчин двигалась споро, о скорости их шага и говорить не приходилось. Не прошло и получаса, как впереди показались первые редкие дома, а если пройти чуть глубже — открывалось целое селение.

Чжао Ляньсин привык бывать в разъездах и отличался отменной памятью: на этом тракте он знал едва ли не каждый городок и каждую деревню. Это второе по счету селение звалось деревней Далю. Он бывал здесь однажды, несколько лет назад.

В зимнюю пору работы в поле нет, так что деревенские жители обычно изнывали от безделья. Услышав, что прибыли бродячие торговцы, люди — от мала до велика — посыпали на улицу поглазеть на диковинку, невзирая на пронизывающий ветер.

Множество людей окружило караван: одни разглядывали товар, другие ощупывали его руками, находились и те, кто желал что-то купить.

Где нужно было — взвешивали на весах, где нужно — сгружали товар. Деньги принимал в основном сам Чжао Ляньсин, а когда он не справлялся с наплывом, за дело брался Чжао Ляньван.

Пэй Юва открыл корзину с крупными сушеными финиками и корзину с ягодами годжи, демонстрируя их нескольким пожилым женщинам и старикам-фуланам, и одновременно краем глаза приглядывал за вещами на телеге.

Остальные поступали так же. Они ходили с Чжао Ляньсином уже не первый год, успели набраться горького опыта и привыкли всегда оставаться начеку.

Ребятишки без разбору носились вокруг, протискиваясь сквозь толпу взрослых.

Один пожилой фулан с повязкой-моэ [Прим. - Традиционная китайская головная повязка, закрывающая лоб.] на лбу попросил взвесить ему один цзинь сушеных фиников. Пэй Юва обернулся и крикнул:

— Ляньван, тащи сюда весы!

— Сейчас, только с этим закончу! — отозвался Чжао Ляньван и, завершив расчёт, поспешил к нему.

Пэй Юва мимоходом скользнул взглядом по самым последним рядам за спинами ребятишек и вдруг заметил среди них знакомое лицо, отчего в душе его шевельнулось удивление.

Присмотревшись внимательнее, он понял, что этот истощенный, с пожелтевшим личиком и робким видом ребенок лет семи-восьми — тот самый малыш, которого они встретили ранним утром в городке Юньци.

Оказывается, его семья жила именно здесь.

Чанся в одиночестве стоял позади стайки ребятишек, во все глаза разглядывая сквозь щели между взрослыми забитую фонарями телегу.

Красные, жёлтые, зелёные, нежно-лиловые — цвета были необычайно яркими. Его взгляд оказался намертво прикован к праздничным узорчатым фонарикам. Он послушно перемещался вслед за остальными детьми, но ему никак не удавалось протиснуться вперед.

Соседская девочка Син-эр, которая и позвала его вместе побегать, давно позабыла о нём и теперь вовсю крутилась возле телеги.

— А ну, мелюзга, не лапать руками! — прикрикнул один чернявый мужик, не позволяя детям

тыкать пальцами в хрупкие фонари.

Услышав это, Чанся больше не посмел делать ни шагу вперед и лишь испуганно замер на расстоянии, продолжая смотреть издали.

Ветер дул немилосердно, от холода щеки и уши пронзало острой болью. Он поднёс руки к ледяным ушам, потер их. На его худеньких, похожих на веточки пальцах вздулось несколько багровых и опухших следов зимнего обморожения.

Вся его одежда состояла из сплошных заплат, а огромные туфли, явно снятые с чужого плеча, совсем не подходили по размеру. Одет он был слишком легко и, не в силах больше терпеть пронизывающий ветер, припустил мелким шагом в сторону дома.

Дома тоже было зябко, но если забраться на кан вместе со старшей сестрой и младшим братом и крепко укутаться в одеяло, станет гораздо теплее.

<http://bllate.org/book/17875/1712312>